

АНАТОЛИЙ КЛЕЩЕНКО

Курлычут журавли над Ангарой...

КЛЕЩЕНКО Анатолий Дмитриевич родился 14 марта 1921 года в деревне Поройки Мологского района Ярославской области. Отец писателя был иконописцем и реставратором старинных икон, а мать — домохозяйкой, впоследствии — колхозной дояркой. Пожалуй, самым важным событием детства, повлиявшим на мировоззрение будущего поэта, стала политика раскулачивания, которому подверглась и семья Кleshchenko. Это навсегда определило отношение Анатолия к советской действительности. В одиннадцать лет он предпринял попытку сбежать в Америку, но в Молдавии попал в цыганский табор, где научился делать сальто-мортале, ходить на руках и петь цыганские песни. Почти год скитался с табором по стране, пока его не разыскал отец и не отправил в Киево-Печерскую Лавру учиться иконописному мастерству. В Киеве свободолюбивый юноша, вместо того, чтобы вникать в тайны иконописи, пристрастился к написанию стихов, которые вскоре увидели свет в ленинградской молодёжной газете «Смена» и сразу обратили на себя внимание. В 1939 году восемнадцатилетнего автора приняли в Союз писателей СССР. К этому времени Анатолий Кleshchenko уже покинул Киево-Печерскую Лавру и несколько лет проживал в Ленинграде, был знаком с писательской средой, в частности — с Анной Ахматовой, общался с Борисом Корниловым вплоть до его ареста и расстрела в 1938. «Планов, замыслов, начал» было на жизнь вперёд. И всё как будто неплохо складывалось: работа внештатным сотрудником литературной группы уже родной для Анатолия газеты «Смена», после — в газете «Литературный современник»... Началом конца подающего надежды сочинителя стало доноительство собрата по ремеслу и, как следствие, арест в феврале 1941 года. Поводом послужила активная жизненная позиция поэта, который был не согласен с репрессиями, часто вставал на защиту арестованных по политической статье, выступал против разграбления, переселения и затопления родного Мологского края, увлекался стихами запрещённых поэтов Есенина, Клюева, Гумилёва. Во время обыска среди личных вещей Кleshchenko были обнаружены антисталинские стихи Осипа Мандельштама, а также собственные стихи, выдержанные в мандельштамовской гражданской тональности. Кleshchenko обвинили «в подстрекательстве к совершению террористического акта, в антисоветской агитации, в пропаганде и организационной деятельности, направленной к совершению контрреволюционного преступления, и связи с троцкистско-зиновьевским подпольем». 20 мая 1941 года Военный Трибунал Ленинградского Военного

округа приговорил Анатолия Клещенко к лишению свободы сроком на 10 лет с последующим поражением в политических правах сроком на 5 лет. Поэт признавался, что лишь чудом избежал расстрела. По решению суда Анатолия Клещенко этапировали на Северный Урал, определив на заготовку леса, а спустя ещё три года перевели в Иркутск, в особый лагерь №7. Даже в лагере поэт не оставлял перо. Впрочем, как иронизировал Клещенко, чаще приходилось работать киркой. 20 февраля 1950 года наступило долгожданное освобождение, но поскольку ещё пять лет Анатолий был ограничен в правах, его из Иркутска отправили в ссылку в Красноярский край. В первый год поэт работал в клубе посёлка Раздольное Большемуртинского района художником, потом переехал за двадцать пять километров на речку Чёрную Удерейского (Мотыгинского) района, где устроился сторожить сено и охотиться. В свободное время подрабатывал — рисовал на темы русских сказок. 20 августа 1957 года Анатолия Клещенко реабилитировали. Он покинул Сибирь и вернулся на малую родину — в Мологский район, но в живых никого из родных — ни матери, ни отца — уже не застал. Оставалась одна дорога — снова в Ленинград. Вскоре по ходатайству Анны Ахматовой, Владимира Чивилихина и Семёна Шихарева Клещенко восстановили в Союзе писателей. Впрочем, это его не спасло от безденежья: вчерашнего лагерника всё равно не печатали. Выручали переводы, благо неплохо знал несколько языков, в том числе китайский. Книга «Тибетские народные песни», переведённая с китайского на русский, была высоко оценена в Китае. В Москве эта книга была издана в 1958 году под редакцией Льва Гумилёва. В начале 1960-х литературные газеты стали понемногу публиковать прозу Анатолия Клещенко, а стихи по-прежнему уходили в стол или распространялись в самиздате. Чтобы свести концы с концами, Анатолий Клещенко нанимался на лето сезонным рабочим в геологическую экспедицию, а по возвращении писал стихи и рассказы, которые публиковали в популярном журнале «Охота и охотничье хозяйство». Лишь годы спустя отдельными изданиями вышли сборники повестей и рассказов «Избушка под лиственницами», «Дело прекратить нельзя», «Сила слабости», «Плечо пурги». В 1972 году в Венгрии издана книга «Это случилось в тайге». Не оставались в стороне издательства Польши, Чехословакии, Германии, а вот на русском языке за последние шесть лет жизни писателя не появилось ни одной его книги. Привычка жить бродягой, в единении с природой не давала покоя. В 1967 Клещенко совершил поездку в Сибирь, посетив места ссылки, а двумя годами позже принял решение уехать на Камчатку, где для него нашлось место охотинспектора. Осенью 1974 года Анатолий Клещенко вместе с коллегой полетел в таёжное урочище близ реки Камчатки для учёта соболей. Вертолётчики помогли выгрузить снаряжение и отбыли. Когда Клещенко и его спутник открыли дверь охотничьей избушки, в которой намеревались остановиться, то обнаружили, что зимовье разграблено, окно выбито, крыша в аварийном состоянии. Продержаться до конца экспедиции при таких условиях в осенней сырой тайге казалось невыполнимым, а вызвать подмогу они не могли, поскольку рацией их не снабдили. Началось тяжёлое воспаление лёгких. Страдания были таковы, что Клещенко подумывал о самоубийстве, от которого его удерживало только одно: застрелись один из напарников — другого затаскали бы по судам. Наконец прилетел вертолёт, но было поздно. 9 декабря в больнице посёлка Ключи на Камчатке жизнь поэта оборвалась. Он сам сделал предсмертную запись в дневнике: «Умираю. Конец». Похоронили Анатолия Клещенко, как он и завещал, в Ленинграде на Комаровском кладбище, недалеко от могилы Анны Ахматовой. Среди других записей в дневнике поэта остались его последние стихи:

*Моё хозяйство — два витых ствола,
И — как порой привычка дорога нам! —
Я так привык, чтоб домом мне была
Лишь куртки обгорелая пола,
А ночником — звезда над балаганом...*

* * *

Мир рвётся к пропасти, неистов,
Смеясь над Богом всё наглей,
И четырёх Евангелистов
Сладчайший ладан и елей,
Как семя доброе в болоте
Не всходит благом и добром:

Тоскуют дочери о Лоте,
Иродиада над ковром
Скользит и вьётся легче тени,
Креститель смотрит, наг и бос,
Как бьют о смуглые колени
Концы тяжёлых чёрных кос.

Теперь он знает: пламя веры
Ещё могло зажечь сердца,
Пока безумец из Аблеры
Не проложил начал конца,

Покуда мраморы Эллады,
Богов Олимпа чтит власть,
Покамест с плеч Иродиады
Ещё не смел платок упасть.

* * *

Мы язык научились держать за зубами,
а стихи — не стараться продвинуть в печать.
В Темняках, в Магадане,
в Тайшете, на БАМе —
проходили мы Школу Уменья Молчать.

Мы навечно останемся пылью и шлаком
для завязших у нас в неоплатном долгу,
но сказать, что согласья является знаком
даже наше молчание — я не могу!

Новогодний сонет

Устав от неудач, от непогод.
Надломленный,
задёрванный,
измятый,
Я сызнова встречаю Новый год,
Как это ни печально — тридцать пятый.

Я жизни не видал.
Один исход.
И бой часов гудит тоской проклятой,
Как в лагере — бой в рельсу на развод,
Или в могильный холм — удар лопатой.

Невесело спиваться одному,
Но я без тоста стопку подниму,
Подбросив в печку лишние поленья.
Я просто выпью,
Выпью потому,
Что слишком страшно трезвому уму
Под вышками большого оцепленья.

Начальник конвоя

Начальник конвоя играет курком.
Апрельским гонимые ветром,
Плывут облака над рекой Топорком¹,
Над сорок шестым километром.
Начальник конвоя обходит посты.
Ну, дует же нынче ветрище —
Сгоняет снега и сметает кусты,
И кажется, будто кресты
Растут на глазах на кладбище.
Растут из снегов в косогоре пустом
Над теми, кто за зиму помер.
Кресты?.. Позаботился кто бы о том!
На кольях дощечки прибиты крестом.

Фамилий не пишется — номер.
Они умирали, не бросив кирки,
В карьере, на трассе, в траншее.
Пеллагры шершавые воротники
Расчёсывали на шее.
Убиты в побегах, скосила цинга —
Навеки... дождалась свободы.
Начальник глядит на носок сапога:
Не кровь это — вешние воды...
Начальник идёт от поста до поста.
Идёт, проклиная погоду.
Не спят часовые. Их совесть чиста:
«Служу трудовому народу!»

За что?

За то, что мы не ведали: за что же?
Нас трибуналы осуждали строже,
Чем всех убийц, бандитов и воров,
И сапогами вохровцы пинали,
Когда этапом по Уралу гнали
Туда, где стол нас ждал и кров.

За то, что мы с восхода до заката
Четыре куба резали на брата,
И летом гнус без совести нас жёг.
Зимой в одних рубахах было жарко,
Нам кроме пятисотки и приварка
В награду полагался пирожок.

За то, что хлеб свой добывали в поте,
За месяц доплывали на работе.
Так, что не поднимались после с нар,

Кандея нам давали трое суток
Потом, чтобы не врезали без шуток,
Тащили на руках в стационар.

За то, что мы там хлеб свой даром жрали
По полпайка у нас лекпомы крали,
Раздатчики — по четверти пайка.
А в КВЧ читали нам морали,
А мы легко и тихо умирали,
Один другому говоря «Пока!»

За то, что нам недоставало силы
Рыть для себя глубокие могилы —
Когда весною таяли снега,
В зелёных лужах наши трупы гнили:
Нас без гробов ненужных хоронили,
Раздев в стационаре донага.

Тренировка

Он не был ни мошенником, ни вором.
Убит — в побеге. Пальцы сведены
На первой робкой зелени весны.
Стрелок смеётся, щёлкая затвором:
— Работы меньше сётрам и врачам!
Кто как, а я всегда укараюлю —
За сто шагов и чуть не пуля в пулю!
Назавтра можно в лес, по косачам...

¹Находится в Тайшетском, Нижнеудинском районах Иркутской области.

Трезвый сонет

Не вытешут мне гробовой плиты,
Венков не сложат возле обелиска.
Ну, что ж, умрёшь когда-нибудь и ты.
И, судя здраво, это время близко.
В печаль играя, над красивой урной
Знамена склонят, труб заплачет медь.
А надо мной, в ночи сырой и бурной,

Лишь каркнет ворон на сосне ажурной,
Завалит труп мой хворостом медведь.
Велик и славен ты.
Мою судьбину
Ни песни не прославят, ни дела.
Но мне, пожалуй, после смерти в спину
Осинового не воткнут кола.

Бесславный сонет

Что говорить, гордиться нечем мне:
Не голодал в блокадном Ленинграде,
И пороха не нюхал на войне,
И не считал взрывателей на складе...
Иных покрыла славою война,

Иные доставали ордена
За нашу кровь, не оскверняя стали.
Мы умирали тихо, в темноте,
Бесславно умирали — но и те,
Кто убивал нас — славы не достали!

* * *

Орёл сказал, что лучше раз один
Напиться крови алой и горячей,
Чем доживать до старческих седин,
Но триста лет питаться дохлой клячей.

В ответ ему прокаркал ворон: — Нет!
Сумей, не поведя брезгливо бровью,
Питаться мертвечиной триста лет,
Чтоб раз напиться вражескою кровью!

* * *

К холодному стеклу прижавшись лбом,
Я вижу: облака одели шалью
Луну над сопкой, выгнутой горбом.
И ночь. И даль. И даль за этой далью.
Пусть будет так же далеко до лета,
Луна вот так же тучами одета —
Всё, как и здесь... Но окна — на Неву!
Таков итог:
Не мудрствуя лукаво,
Поэт меняет
Лиру на кирку.

* * *

Дожди, дожди идут над Ангарой,
Не стало красок голубых и алых,
Насыщен воздух влагой, мошкаррой,
И тучи виснут ключьями на скалах.
В соцветьях поздних лилий, как в бокалах,
Стоит вода. Ползёт туман сырой.
Отныне на охотничьих привалах

Костёр — сам первый, котелок — второй!
Ещё ведь только август на дворе,
Ещё купаться б надо в Ангаре
И восторгаться гладью голубою,
Ещё воды немного утекло
С тех пор, как ты ушла и всё тепло
Зачем-то унесла с собою!

Костёр погас.
 В сухие дни летучий,
 Сегодня пепел, чёрный и сырой,
 Лежит в кострище неподвижной кучей.
 Курлычут журавли над Ангарой.
 На жёлтых травах стынут капли влаги,
 Не согревает крепкий чай души,

Сухие листья, как листы бумаги,
 Всё шелестят... Хоть изредка пиши!
 О том, что в Летнем, на большой аллее,
 Желтеют липы...
 Жизнь шумна, пестра...
 О чем-нибудь, но так, чтобы теплее
 Мне было у остывшего костра!

Канал имени Сталина

Ржавой проволокой колючей
 ты опутал мою страну.
 Эй, упырь! Хоть уж тех не мучай,
 кто, умильно точа слюну,
 свет готов перепутать с тьмою,
 веря свято в твоё враньё...
 Над Сибирью, над Колымою
 вьётся тучами вороньё.
 Конвоиры сдвигают брови,
 щурят глаз, чтоб стрелять ловчей...
 Ты ещё не разбух от крови?
 Ты ещё в тишине ночей
 не балуешься люминалом
 и не просишь, чтоб свет зажгли?
 Спи спокойно, мы — по каналам
 и по трассам легли навалом,
 рук не выпростать из земли.
 О тебе вспомнят наши дети.
 Мы за славой твоей стоим,
 раз каналы и трассы эти
 будут именем звать твоим.

Вызов

Пей кровь, как цинандали на пирах,
 Ставь к стенке нас, овчарок злобных уськай,
 Топи в крови свой беспредельный страх
 Перед дурной медлительностью русской!
 Чтоб были любы мы твоим очам,
 Ты честь и гордость в наших душах выжег,
 Но всё равно не спится по ночам
 И под охраной пулемётных вышек.
 Что ж, дыма не бывает без огня:
 Не всех в тайге засыпали метели!
 Жаль только, обойдутся без меня,
 Когда придут поднять тебя с постели!

И я иду сознательно на риск,
Что вдруг найдут при шмоне эти строчки:
Пусть не услышу твой последний визг,
Но этот стих свой допишу до точки.

Из цикла «Только восемь строк»

1

Цветы на незадёрнутом окне
Уже завяли — в середине лета!
Им душно точно так же, как и мне:
Листы опали... наша песня спета...
Но их польют, и завтра снова в синь
Потянутся они к теплу и свету...
Увы! Для нас у Бога влаги нету,
Мы вянем раз и навсегда. Аминь!

3

Немного я сокровищ накопил:
Ружьё да сука, да у суки дочка...
Я не кутил. Я просто с горя пил
И то не часто, и не пил, как бочка.
До черноты засалена сорочка,
А где для прачки взять грошій?
Э, наплевать!.. Что значит оболочка?
Я чистоту храню на дне души.

5

С тетрадью рядом — грязная посуда...
Мороз торопит вновь подбросить дров...
Чистейшим спиртом лечится простуда...
Я сыт и относительно здоров,
И надо мною маломальский кров,
Спасающий от ветра и мороза:
Так «всё прекрасно в лучшем из миров»...
Одни стихи давно звучат, как проза.

2

Как много планов, замыслов, начал,
Как мало строк ложится на бумагу!..
Да, я годами долгими молчал,
Забросивши перо, зарывши шпагу.
Я растерял упрямство и отвагу,
Но фарисеям-псам за серебро,
Пускай вперёд не сделавший ни шагу,
Не продал я ни шпагу, ни перо!

4

Сегодня хиус гнёт деревья долу,
Вчерашнего сметая порошок,
Рябки зарылись, не взлетая с полу,
И я портянки с горечью сушу
Да дымом дров осиновых дышу —
Его обратно хиус прёт в избушку.
Лежу... Курю... Опять стихи пишу —
День всё равно пропал ни за полушку!

6

Настанет ли когда-нибудь мгновенье,
Которому и я скажу: «Постой!»? —
В кругу друзей прочесть стихотворенье,
Разлить глитвейн, горячий и густой,
Навить на палец локон золотой,
О Ришелье поспорить, Катилине,
Кто выше, Достоевский иль Толстой? —
Смотри, о Фауст, как мы скромны ныне!

Из последних стихов

Вид печален: небритые сопки,
Две собаки, четыре трубы...
Поднимите же, граждане, стопки
За романтику нашей судьбы.